

Сцена, которую снимали, изображала пленение молодого господина Цзина. Японские войска знали, что он был приемным братом генерала Гу и планировали использовать его в качестве рычага давления, чтобы заставить генерала открыть городские ворота. Однако угрозы были излишними — сам факт пленения Цзина уже означал, что они взяли генерала под контроль.

Чэн Пэнфэй сидел рядом, наблюдая за игрой Дун Чуаня. Каждое слово, каждый жест актера, даже выступающие вены на шее — всё это было точным воплощением генерала Гу.

Затем настала очередь Чэн Пэнфэя. Его персонаж, получивший западное образование и вернувшийся на родину, чтобы посвятить себя революции, естественно, не мог позволить японцам манипулировать собой.

В старой дровяной хижине молодой господин Цзин уже сидел некоторое время. Внешний шум и крики казались ему далекими и не имеющими значения.

Цзин сглотнул, дрожащими руками достал из внутреннего кармана пиджака маленькую стеклянную бутылочку с двумя белыми таблетками. Протерев лицо, он, преодолевая боль от ран, покрывавших его тело, опустил на колени и трижды поклонился в сторону заколоченного окна, шепча:

— Отец, мать, простите нерадивого сына.

После долгой паузы, несмотря на свои раны, его глаза оставались ясными. Он снова поклонился три раза, на этот раз без упоминания имен, просто произнеся:

— Это я тебя подвел, прости. Если будет следующая жизнь, я стану старшим братом, а ты — младшим.

С этими словами он проглотил таблетку, слезы струились по его щекам. Боясь, что дозы будет недостаточно, он раздавил вторую таблетку и, дрожа, отправил её в рот.

Когда люди генерала Гу нашли Цзина, тот уже был мертв.

Генерал стоял у двери хижины, окруженный солдатами, которые не решались произнести ни слова утешения. Все в городе знали, что в семье Цзин было два достойных сына: родной Цзин Лантинь и приемный Гу Цзюнь. Они выросли вместе, и между ними никогда не было разногласий.

Рука Гу дрогнула, будто кровь сделала её слишком скользкой, чтобы удерживать оружие. Он сглотнул и приказал:

— Подготовьте тело молодого господина Цзина... Обращайтесь с ним бережно.

Всё прошло гладко, и солдаты решили, что генерал сумел сдержать свой гнев и горе. Но когда один из них неосторожно уронил руку Цзина с носилок, и она ударилась о землю, подняв облако пыли, Гу взорвался. Он пнул солдата, выхватил пистолет и, наведя его на голову, хрипло закричал:

— Я сказал бережно! Он боится боли!

Солдат, бормоча извинения, отошел в сторону по указанию старого ветерана.

Когда носилки с телом Цзина унесли, Гу остался на месте. Через некоторое время он

обернулся к своему доверенному лицу и спросил:

— Где сейчас японцы?

— После открытия ворот они прошли через город как через пустыню, теперь они внутри.

— Пустыню? Ха... — генерал посмотрел на бушующие впереди бои. — У нас осталось тридцать пушек? Отправьте их на холм. Как только увидите движение — стреляйте. Посмотрим, что они получают, войдя в город.

— А... а как насчет горожан?

— Горожане? Цзин Лантинь отправился на переговоры с японцами, чтобы дать нашей армии передышку. А что говорили горожане, когда те волки держали его в плену? — генерал тихо спросил, словно отвечая сам себе. — Они говорили, что Цзин Лантинь стал японской марионеткой, предателем.

Ветеран рядом не осмелился вступить в разговор, лишь шепотом передал приказы солдатам. После их ухода он наблюдал, как генерал бесстрастно перебирает пистолет, слушая его слова.

— Если бы он действительно был предателем, по крайней мере, он бы сейчас...

Жил.

Генерал замолчал, опустив глаза, а затем посмотрел в камеру. Последние следы человечности в его взгляде, казалось, ушли вслед за Цзином в мир иной, оставив лишь врожденную надменность.

— Кат! Готово!

Несмотря на то, что это был их первый совместный проект, их взаимодействие было идеальным. Дун Чуань, не дожидаясь ассистента, подошел к носилкам и крепко обнял Чэн Пэнфэя.

Чэн Пэнфэй, ошеломленный, оказался в объятиях.

Окружающие смотрели на них с широко раскрытыми глазами, не понимая, что заставило знаменитого актера так поступить.

— Я не умер, умер Цзин Лантинь, — Чэн Пэнфэй не ответил на объятие, опустив руки по бокам.

Только тогда все поняли, что происходит. Несколько девушек с покрасневшими глазами, если бы не Дун Чуань, тоже бы бросились обнимать бедного Цзина.

Дун Чуань через некоторое время отпустил его, достал из кармана костюма генерала красный конверт и сказал:

— Поздравляю с завершением съемок.

Затем подошли режиссер и другие члены съемочной группы с цветами и конвертами.

Хотя в фильме это была лишь смерть персонажа, все же, чтобы избежать неприятностей, они решили подарить Чэн Пэнфэю красные конверты — как знак уважения.

Чэн Пэнфэй не стал отказываться, поблагодарил режиссера Чэня, принял конверты и отправился снимать грим.

— У меня еще два дня съемок, у тебя есть дела дома? — спросил Дун Чуань, протягивая полотенце, чтобы вытереть волосы Чэн Пэнфэя, и осматривая его покраснения.

Чэн Пэнфэй покачал головой:

— Ничего особенного.

Глаза Дуна блеснули:

— Тогда подожди меня два дня, я отвезу тебя домой после съемок? Мне тоже нужно вернуться в город S для работы.

Чэн Пэнфэй согласился, и они начали обсуждать дальнейший сюжет.

К глубокой ночи Чэн Пэнфэй понял, что задержал Дуна, и, слегка смутившись, вернулся в свою комнату.

На пороге Дун остановил его, достал из шкафа пакет и протянул ему.

— Что это?

— Ты говорил, что на U-образной подушке был приятный запах.

Чэн Пэнфэй, встретившись с насмешливым взглядом Дуна, взял пакет и только в комнате открыл его. Внутри оказалась коробочка с лосьоном для тела, густой крем желтоватого цвета, пахнувший так же, как и подушка.

Только тогда Чэн Пэнфэй понял, что запах на подушке был запахом Дуна, и его лицо покраснело до ушей.

[Заметка автора:]

Дун Чуань:

— Жумин, нанеси мне еще лосьона.

Жумин:

— Я уже нанесла много, маленький актер.

Дун Чэн:

— Нет, еще немного, нужно привлечь Чэн Пэнфэя.

Жумин:

— ...

На следующий день Дун Чэн, снимая оставшиеся сцены, не увидел Чэн Пэнфэя, вероятно, тот смутился. Дун, в необычно хорошем настроении, сидел перед режиссером Чэнем, слушая его объяснения, не возражая и даже улыбаясь.

Режиссер Чэнь, чувствуя дискомфорт, сказал:

— Дун Чэн, если у тебя есть замечания, просто скажи, не смотри на меня так, мне не по себе.

— ...

Съемки, запланированные на два дня, завершились за один. Дун, сосредоточившись, снял последние сцены.

В квартире все еще горел свет. Дун, дав указания водителю, вошел внутрь.

Было уже за десять, на кухне раздавались звуки готовки.

— Ты готовишь?

Чэн Пэнфэй, не оборачиваясь, резал колбасу:

— Послезавтра возвращаюсь домой, не хочу тащить с собой колбасу и вяленое мясо. Нарезал немного для съемочной группы и ассистентов.

Дун кивнул, вспомнив, как в первый день Чэн Пэнфэй принес режиссеру Чэню вяленое мясо, и невольно улыбнулся.

Он подошел к Чэн Пэнфэю, понюхал за его ухом и сказал:

— Пахнет вкусно.

С этими словами он взял кусочек колбасы и, напевая, вышел из кухни.

Чэн Пэнфэй медленно покраснел, гадая, кого он имел в виду.

Утро в горах было прохладным, с большим перепадом температур.

Чэн Пэнфэй рано утром был разбужен Дуном, едва открывая глаза. Еле-еле умывшись, он сел в машину.

Вскоре он уже дремал.

— Проснись, проснись, хватит спать.

Чэн Пэнфэй открыл глаза, думая, что всё ещё спит.

Дун ущипнул его за щеку, мягкую, в отличие от его твердого характера.

— Мы проспали и не успели.

Чэн Пэнфэй, слушая его болтовню, вышел из машины.

Они оказались в долине, где горная дорога смотрела прямо на восходящее солнце.

Дун хотел показать ему рассвет, но, как всегда, не смог вовремя проснуться. Когда они добрались, солнце уже высоко поднялось, освещая лес теплыми лучами.